

НОВОЕ В ПЕДАГОГИКЕ РА И РФ

К ИСТОРИИ НЕВСКИХ СТРАНИЦ КСО

М.В. АРХИПОВА

РХГА, г. Санкт-Петербург

Данная статья посвящена вопросам глобального переосмысления существующих представлений об устройстве образовательного процесса. Он имеет ряд особенностей, среди которых, в том числе, особый эмоциональный настрой, истоки которого уходят корнями в идеализм, и ориентация на точные методологические приемы и рекомендации, прочно вошедшие в учебные заведения. Заложенные в 90-е годы основы методики диалогового обучения, серьезно повлияли на современные представления о возможностях педагогического процесса.

Ключевые слова: коллективный способ обучения (КСО), В.В. Архипова, М.А. Мкртчян, теории В.К. Дьяченко, диалоговое обучение.

Светлой памяти

*Валентины Васильевны Архиповой,
Александра Сергеевича Соколова,
Тамары Трофимовны Буровцевой*

Коллективный способ обучения (КСО) ворвался в жизнь педагогической общественности Северной столицы в середине 80-годов XX столетия. Это был короткий и яркий период, чрезвычайно насыщенный событиями, связанными с интеллектуальным и социальным постижением новой педагогической парадигмы, реализовывавшейся в разнообразных видах деятельности и проектах. Этот первый мощный импульс освоения возможностей новой системы диалогового обучения в городе на Неве связан в первую очередь с именем Валентины Васильевны Архиповой, ставшей инициатором и устройтелем педагогических проектов, счастливым образом сочетавшей в себе качества организатора и нетривиального мыслителя. Фактически этот интенсивный этап закончился с ее уходом из жизни в ноябре 1991 года. Спустя более чем 20 лет мы можем оглянуться на то время, вспомнить его атмосферу, попытаться восстановить вехи, осмыслить значение тех событий.

Знаковой фигурой для интересующихся теорией и практикой диалогового обучения в Петербурге стал Манук Ашотович Мкртчян. Именно в его изложении впервые педагоги и студенты познакомились с основными положениями, принципами, приемами и методиками КСО.

Знакомство Манука Ашотовича и Валентины Васильевны состоялось осенью 1986 года в Москве на семинаре Всесоюзной заочной математической школы, где на протяжении нескольких ночей (днем проходило официальное

совещание) со свойственным воодушевлением Манук Ашотович рассказывал коллегам о своей практике обучения в сменных парах и о теории В.К. Дьяченко. Той же осенью М.А. Мкртчян приезжает в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) для повышения квалификации. В.В. Архипова договаривается о его лекциях в вузах города, способствует организации работы М.А. Мкртчяна со студентами педагогического института, которые впоследствии будут работать воспитателями и преподавателями в летнем математическом лагере. Эти занятия и стали первым обучающим курсом по системе КСО в нашем городе.

Вскоре начинает собираться городской семинар по вопросам КСО. Первая встреча состоялась уже 13 января 1987 года, и далее на протяжении более 2-х лет (26 месяцев) еженедельные собрания проходят в ЛИИЖТе (ныне Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I) на кафедре психологии в кабинете для групповой работы и релаксации. К слову, это было одно из лучших релаксационных помещений в городе с соответствующей обстановкой — мягкий ковер на полу, комфортные кресла, расположенные по кругу, теплая успокаивающая цветовая палитра, живая зелень комнатных растений. В семинаре участвовали сотрудники кафедры психологи В.В. Мацкевич и В.Л. Гайда. Возможно, благодаря именно их стараниям семинар и «прописался» в железнодорожном институте.

Первый год на семинаре рассматривались преимущественно теоретические вопросы КСО. Каждая встреча была посвящена одной теме, одному небольшому локальному вопросу. Отдельно обсуждали принципы теории В.К. Дьяченко, осваивали известные тогда методики: «чтения трудных текстов Ривина» и разработанные М.А. Мкртчяном «Взаимопередача тем» и «Взаимобмен заданиями». Поскольку в семинаре принимали участие преподаватели вузов и школ, предполагалось сразу же на практике использовать наработки семинара. Можно полагать, это стало одним из принципов: то, что сегодня обсуждалось, — по возможности применить в ближайшую неделю на собственной практике и уже на следующей встрече представить и проанализировать полученный опыт.

Ольга Александровна Скепко: Организатором и вдохновителем семинара была Валентина Васильевна. Мы начали изучать методики, писали тексты, ставили задачи... И сразу же воплощали на практике. Валентина Васильевна говорила: «Мы не можем сказать ребенку: “Ребенок, подожди 20 лет пока мы тут разберемся с учебным процессом, как его надо вести...” Надо сразу, сразу же что-то делать на практике». (Из интервью 28.01.2015 г.)

Татьяна Борисовна Казачкова: Каждый по очереди сначала говорил, что было сделано за неделю: кто что попробовал, как получилось, какая реакция была у детей, каким образом это всё было организовано. Рисовали картинки, приносили с собой материал. Помню, как надо мной ужасно хохотали... так как я позже всех пришла, они через это уже прошли, я же не знала... первый раз попробовала поработать в школе в сменных парах: подготовила класс, рассказала, что мы будем делать... И: «Ну, а теперь начнем работать», и... У меня обычно тишина была на уроке, а тут воцарилась абсолютная тишина...

Дети замолчали, смотрят на меня и рот открыть не могут. И вот рассказываю это, а весь семинар хохочет: «Мы уже все через это прошли: детям вдруг разрешили разговаривать! Они сначала в полном восторге и не понимают как это так, когда полкласса должны говорить».

Помню, когда каждый говорил: «Не получилось», «Не получилось», «Надо же, так было понятно на семинаре, а как пришел в класс, ничего не получается»... И тогда все проблемы опять поднимались по кругу, опять шло погружение в детали теории. Разбирали методику: как, что, какая последовательность... и договаривались на неделе использовать у себя на уроках. Через неделю опять каждый по очереди рассказывал, что получилось, что не получилось. Различные приёмы на разных материалах и предметах. И опять по кругу углублялись в ту теорию, которая в Красноярске уже была разработана и апробирована <...>. (Из интервью 1995 г.)

На втором году существования семинара участники готовили выступления по вопросам КСО. Каждый продумывал вводную лекцию и предлагал ее вниманию коллег. Лекция всесторонне обсуждалась.

Тамара Трофимовна Буровцева: Жизнь семинара, я бы сказала... это было очень светло, красиво и интеллектуально. Такую интеллектуальную жизнь, какая была рядом с Валентиной Васильевной, редко где встретишь... когда свободно работаешь и мыслишь... И всегда после разговора с ней хотелось засесть за книги... настолько она этому способствовала.

Семинар проходил так... всё время они спорили... Не помню ни одного заседания, пожалуй, чтобы не было этих споров: Котов, Смрчек, Валя Гайда и Валентина Васильевна... У них всё время были научные споры. Порой казалось, что спор переходит уже не то что на личности, а становится бурным... и казалось, что, может быть, и нельзя так — собрались ведь единомышленники... Но Валентина Васильевна всегда умела вовремя сказать так, что страсти угасали, и начинался опять спокойный диалог.

Помню встречу, которая была посвящена переходу от группового способа к коллективному... всегда, каждую встречу, ставилась какая-то проблема. Помню, что практиковали методику Ривина...

Второй год каждый из нас должен был подготовить лекцию, как бы он рассказал незнающему человеку про коллективные формы. Жалко, что не все это сделали. Помню, как выступали Ира Крисальная, Оля Скепко, Ира Губерник и Саша Соколов... насколько интересно мы эти лекции обсуждали! Валентина Васильевна в конце подводила резюме.

На семинаре я больше была в позиции слушателя. Поражала глубина мысли Валентины Васильевны, ее логика. Это потрясающе! Первые дни, встречи ходила под сильным впечатлением. На семинаре всё было бурно, не теряли ни минуты, работали... (Из интервью 1995 г.)

Знакомство с возможностями диалогового обучения способствовало возникновению нового видения учебного процесса, обнаружению его скрытых ресурсов, созданию новых педагогических приемов. Сложные ситуации, которые при традиционном подходе казались практически тупиковыми, находили неожиданные решения в новой парадигме. Так, О.А. Скепко, в то время доцент Кораблестроительного института, вспоминает, как в первый же год знакомства с КСО ей поручили вести занятия по математике на подготови-

тельном отделении вуза. На это отделение принимали тех, кто отслужил в армии или работал на производстве, то есть порядком подзабыл школьную программу. По национальному составу группы были неоднородными: примерно половину составляли этнические дагестанцы, таджики и узбеки, не очень хорошо владевшие русским языком.

Ольга Александровна Скепко: И какая была проблема? Они меня плохо понимали, потому что плохо понимали по-русски. И я решила объединить их в группы. Это был прием из белль-ланкастерской системы... когда преподаватель сильным ученикам рассказывает, а они потом идут в массы... И веселей дело пошло. Я говорила мониторам: «Я сейчас вам по-русски рассказываю, а вы можете в малых группах общаться на каком хотите языке. На каком языке вам общаться комфортно, на таком и общайтесь». И объясняла им уравнение, а они шли в малые группы и общались на своем языке... И работа пошла! (Из интервью 28.01.2015 г.)

В мае 1987 года во Дворце Юсуповых на Мойке состоялась первая научно-практическая конференция по коллективному способу обучения. Это было масштабное событие, объединившее несколько сотен заинтересованных людей. Из Красноярска приехали В.К. Дьяченко и М.А. Мкртчян. Организатором выступила В.В. Архипова и городской семинар по вопросам КСО. В процедуре проведения конференции, ее структуре и использовании пространства колонного зала было предложено много новых элементов, придуманных организаторами. Например, на сцене, справа и слева от трибуны, сидели школьники, человек по 15-20 с каждой стороны — подобно двум классам средней и старшей школы. Это были ребята, обучавшиеся в динамических парах в течение более полугода. Школьники выступали своеобразными экспертами и «носителями живого опыта» по отношению к докладчикам. Их диалог с залом и комментарии к докладам организовывал психолог В.В. Мацкевич.

Татьяна Борисовна Казачкова: Помню, как на конференции выступала Ира Губерник, которая тогда преподавала в 147-й школе, а потом уехала в Германию. Она была в зале со своими учениками. Ира рассказывала, что у нее в классе на математике одна группа работала по методике «Взаимообмен заданиями», другая группа — по «методике Ривина», третья — по «Взаимопередаче тем». Несколько месяцев класс занимался в сменных парах, и один школьник отказался учиться в парах. Он был на конференции, выступал вместе со своей учительницей и рассказывал, что до февраля работал один, потому что ему не нужны были эти пары, ибо он — ярко выраженный индивидуалист и отличник. И вначале он сказал учительнице: «Да не буду я работать в парах!» Ира посадила его отдельно: «Пожалуйста, когда я тебе буду нужна, в любую минуту можешь меня приглашать. В контрольных, естественно, ты участвуешь со всем классом». И вдруг в феврале он слышит... не помню, как мальчика звали, назовем его Ваней... Он слышит, как Ваня, который был двочником, и от него никак нельзя было ожидать... Ваня предлагает решение задачи, до которого этот отличник не мог додуматься. И оказывается, что если работать в этих сменных «дурацких» парах, то можно достигнуть такого результата, что Ваня предлагает вариант, до которого даже

отличник додуматься не может... И с этого момента, с февраля месяца, этот отличник стал работать в парах.

Ольга Леонидовна Смирнова: И у меня была аналогичная ситуация. Был мальчик, который до тех пор, пока не прошла серьезная контрольная работа, спокойно работал один. Я ему говорила: «Если тебе что-то надо, подойди ко мне, я отвечу на вопрос, помогу, подскажу». И он занимался индивидуально. А когда прошла первая контрольная работа, и другой мальчик, которого считали слабым, о котором говорили, что мозги у него не работают и что кроме как жевать ни на что другое он не способен, этот мальчик написал контрольную работу на «4». И отличник тоже написал на «4». Причем обе четверки — «законные», ни натянуты, ни занижены. Отличник был в шоке. И когда следующая тема подошла, он говорит: «Можно я тоже сяду работать в пары?» (Из интервью 01.03.2015)

Темой, заслуживающей отдельное исследование, является диалог о разных аспектах КСО между городом на Неве и Красноярском. Отношения не всегда складывались гладко, возникали споры, элементы соперничества. Однако можно утверждать, что часто эти два сообщества выступали катализаторами по отношению друг к другу. И при всех шероховатостях и сложностях сохранялись коллегиальные и дружеские отношения.

Важной вехой стали математические лагеря: на протяжении двух лет (1987–1988 гг.) в летней математической школе (ЛМШ) организуются занятия в сменных парах. В.В. Архипова работала в ту пору директором Заочной математической школы (ЗМШ) при ЛГУ, организация лагеря была в ее ведомстве. Уникальным для того времени стали разновозрастные отряды. Организаторы изначально создавали социальную среду в ЛМШ как разновозрастную, разноуровневую, и даже была попытка сделать ее разноязыковой. По воспоминаниям, в первой половине дня все участники 4 часа занимались математикой в динамических парах. У каждого был свой маршрут, прохождение которого отмечалось на общем экране.

Ольга Александровна Скепко: Мы много работали, чтобы организовать учебный материал именно для пар сменного состава. Много было интересного. Например, когда через час-полтора после начала в аудитории становилось шумно, и ребята уставали, Валентина Васильевна придумала раздавать яблоки: в этот момент в зал приносили поднос с яблоками... то есть легкий перекус, небольшой перерыв, и напряжение снималось, можно было продолжать.

Дети сами для себя составляли маршрут по темам, всё это отмечалось на огромном экране. Потом у нас были игры типа: задача написана на листочке, листочек разрезался пополам, и для того, чтобы решить, надо было найти вторую половину листочка. И затем уже сообразить, как эта задача решается.

Много студентов работало в лагере. Мы все были единомышленники. (Из интервью 28.01.2015 г.)

В это же время снимается фильм о КСО. На телевиденье в рубрике «Открытый урок на телеэкране» В.В. Архипова записывает две передачи. Сценарий фильма «Коллективный способ обучения: каждый обучает всех, все обучают каждого» обсуждался и создавался совместно с участниками городского семинара. Далее эти видеозаписи на протяжении 10 лет

многократно использовались в качестве иллюстраций и учебных пособий по диалоговому обучению.

При Октябрьской железной дороге организуются недельные обучающие курсы для учителей на хозрасчетной основе — новое предприятие на фоне уходящей советской действительности. Эти курсы неизменно набирают большое количество слушателей, практически проходят в режиме аншлагов. Благодаря их популярности команду преподавателей приглашают для ознакомительных лекций и обучающих занятий по системе КСО в различные регионы тогда еще огромной страны: Минск, Вильнюс, Кишинев, Алма-Ата, Петрозаводск, Ярославль, Тамбов, Мурманск... — далеко не полный перечень городов, в которых проводились курсы, завязывались коллегиальные и дружеские отношения, с различной степенью погружения практиковались занятия в динамических парах. По разным источникам, за 3 года инициативной группой под руководством В.В. Архиповой было проведено от 80 до 200 городских и выездных курсов.

Тамара Трофимовна Буровцева: Меня поражали выступления Валентины Васильевны. Любую аудиторию... а я была свидетелем многих ее выступлений... И часто в начале было сильное напряжение, такое, что мне казалось, что надо всё свернуть и просто уйти. А конец всегда был один и тот же: все благодарили и говорили, что поняли, что можно работать по-другому. Вот это меня всегда поражало и удивляло. Помню много таких аудиторий, когда мне казалось, что уже всё-всё разваливается, ничего не сделать. Валентина Васильевна собиралась и доводила дело до конца. И дальше шло очень хорошо, и, главное, спокойно. Что бы ни говорили, что бы ни делали в аудитории, всё равно Валентина Васильевна выйдет из этого положения. (Из интервью 1995 г.)

По воспоминаниям многих очевидцев, начиная с 1988 года заинтересованная группа ищет школу, в которой можно было бы полноценно организовать новый учебный процесс, ищет площадку для эксперимента. Время от времени такая возможность как будто возникает в том или ином районе родного города, однако она также быстро исчезает, испаряется, «лопается, как мыльный пузырь».

Татьяна Борисовна Казачкова [об окончании работы городского семинара по КСО]: Валентина Васильевна сказала: «Хватит. Теорию наработали, теперь надо показать, что всё это применимо на практике». И начали искать школу, где это можно устроить. В Ленинграде не нашли, говорили о больших взятках... Вот тогда Лангепас и появился. (Из интервью 1995 г.)

И вот наконец появляется долгожданная реальная возможность воплощения новой модели обучения. В мае 1990 года на курсах в Нижневартовске присутствует директор школы № 6 г. Лангепаса Надежда Федоровна Карявина. Она и приглашает команду В.В. Архиповой во вверенную ей школу для организации принципиально нового учебного процесса. Школа № 6 обретает статус экспериментальной площадки. Итогом годовой работы становится «один день без классов и уроков» (6 марта 1991 г.), когда школа живет и учится в иной педагогической парадигме.

Для подготовки учащихся и учащихся к работе в новой педагогической системе в Лангепас из Северной столицы приезжают школьные учителя, методисты, преподаватели вузов. В.В. Архипова в течение учебного года находилась там практически постоянно, лишь на месяц в период новогодних праздников уехала в родной город. Другие кураторы эксперимента приезжают в Лангепас на одну, две, три недели, одновременно работает группа из нескольких человек. Проводятся курсы, семинары, собрания, консультации, создаются новые учебные материалы. Первое время приезжающие жили в гостинице, потом для проживания сняли трехкомнатную квартиру. Сохранились редкие воспоминания о том периоде.

Ольга Александровна Скепко: В Лангепасе я была несколько раз. Помню, как отпрашивалась у начальства. Я работаю в вузе, и просто так уехать на месяц — тяжело. Поэтому сделала хитрый ход: пошла к декану: «Юрий Васильевич, мне надо поехать в Лангепас, там педагогический эксперимент, это так важно...», и декан командировку подписал. А заведующий кафедрой узнал об этом постфактум, и, поскольку меня надо замещать, рассердился, что это сделано в обход него. И написал стихотворную строфу:

*Когда захочешь в Лангепас ты,
Не надо делать ложных пассов.
Ведь я суров ничуть не менее,
Чем те нефтяники в Тюмени.*

Так что я получила от начальства выговор в виде стихотворения. Дай Бог здоровья Владимиру Викторовичу, очень хороший заведующий. <...> Встречали нас очень хорошо, мы были воодушевлены, как, собственно, я и сейчас воодушевлена. Считаю, что Лангепас — это колоссальный прорыв, это переход из двухмерного пространства в трехмерное или даже более. И глубина, и масштаб ощущались.

6 марта 1991 года — эпохальный день без классов и уроков. Мы к нему долго готовились. Совершенно иначе было построено расписание, дети сами записывались на уроки, планировали время выполнения заданий. То есть преподаватель называл среднее время, которое отводится на это задание, а ребята, зная свои индивидуальные особенности, могли это время уменьшить или увеличить. И были уроки, на которые можно было свободно входить и выходить, и были уроки, на которых этого делать было нельзя. Например, танцы. Преподавательница танцев сказала: «Нет! Для меня это гуляние туда-сюда невозможно. Надо, чтобы они пришли, встали, пусть даже в пары, пусть даже в сменные, это всё вписывается в нашу концепцию... но... посередине танца как-то не войдешь». <...> А обычные школьные предметы — иностранный язык, русский язык, математика — по новой системе. Столовая работала иначе... Обычно ведь в течение урока в столовой пусто, а на перемене дети лезут друг другу на голову. Здесь же столовая целый день равномерно функционировала, всем это очень понравилось. <...>

Проблем не помню, может быть, только та, что зимой было очень холодно. Мороз минус 37–40 градусов с ветром. А я приехала в синтетической шубке. Идти по городу можно было только перебежками, заходя в магазины, чтобы погреться: прошел, погрелся, прошел, погрелся... А мне однажды надо было из школы сходить на автобусную станцию купить билеты, потому что мы

через неделю уезжали. И я неудачно выбрала время — везде был обеденный перерыв. Ледяной ветер в лицо, чувствую, что застываю, сейчас упаду как соляной столб и разобьюсь. Каким-то чудом добрела до станции, там был открыт буфет, а в буфете ничего нет, только сыр сулугуни. Я купила здоровую бляху и съела половину. После этого ко мне вернулась жизнь. А там и обеденный перерыв закончился. На обратном пути уже шла с билетами, согретая сулугуни, и могла заходить погреться в магазинчики. <...> Валентина Васильевна придумала систему премирования педагогов. Месячная сумма, отведенная на премии, делилась на 4 части и распределялась по четырем градациям. Учителей оценивали дети, родители, коллеги. Таким образом, учителя набирали баллы. Чтобы попасть в 1-ю градацию, надо было набрать немного баллов. Вся 1-я часть делилась на количество учителей, оказавшихся в 1-й градации. Во 2-ю градацию, где балл более высокий, попадало меньшее количество учителей, поэтому та же сумма делилась на меньшее количество людей, один человек получал больше. И бывало, что в 4-ю градацию попадал только один человек, и тогда он получал всю сумму. Преподаватели были заинтересованы заработать, а если еще и работа интересная, то совсем замечательно. (Из интервью 23.02.2015)

Татьяна Борисовна Казачкова: Женщина, которая возглавляла всю эту работу, днём и ночью думала и работала головой, вставала утром раньше нас всех, мы с Ольгой вообще ничего не слышали... Она готовила нам завтрак и будила, когда на столе уже всё было горячее. Представляешь?! Вот этого я никогда не забуду. Было очень приятно. Где-то немножко стыдно. Но всё равно мы кайфовали. Мы пользовались этим. Это было совершенно уникальное явление. (Из интервью 1995 г.)

Тамара Трофимовна Буровцева: Когда Валентина Васильевна пригласила меня в Лангепас, это было как светлый луч. Мы уходили рано утром, приходили поздно. Утром мы еще с Кирой спали... вставали, завтрак уже был на столе. <...> Меня поражала четкость: в 11 часов мы с Кирой продолжали болтать, она нас оставляла. Но зато... не знаю, когда она вставала, наверно, в 6 утра. В общем, мы вставали, завтрак уже был на столе. Это меня поражало. До поездки я не знала, насколько она была заботливым человеком. Причем это всё изнутри шло, как само собой разумеющееся. (Из интервью 1995 г.)

Всего 5 лет Валентина Васильевна Архипова занималась вопросами диалогового обучения, проблемами КСО. Оглядываясь на этот отрезок времени, вспоминая и осозная происходившие тогда события, из которых далеко не все, а лишь стержневые вехи нашли отражение в нашей публикации, можно лишь удивляться его интенсивности и насыщенности. В.В. Архипова оставила недоработанную рукопись, изданную ее учениками отдельной книгой в 1995 году. Она ушла из жизни в ноябре 1991 года за несколько дней до своего 55-летия. Многие знавшие ее говорят, что она предчувствовала свой ранний уход из жизни, поэтому и спешила делать многое.

Ольга Александровна Скепко: Котова [учительница из Лангепаса] рассказывала: «Мы идем, впереди Валентина Васильевна, а мы позади, смотрим, она такая уставшая, ноги отекающие, и мы думаем: «Господи, ну, зачем ей это

надо?!» И они примерно в такой форме этот вопрос и задали. И она ответила: «Хочу успеть. Я очень хочу успеть это сделать».

Тамара Трофимовна Буровцева: Я тоже слышала от Валентины Васильевны, что она боится не успеть. Когда мы с ней сидели на каком-то совещании в Юсуповском дворце, как раз началась перестройка образования, выступали Башмаков, Лебедев — наши светила от образования, и Валентина Васильевна почему-то очень нервничала, мы с ней сидели рядом, и всё говорила: «Мне надо обязательно выступить». Я говорю: «Валентина Васильевна, может быть, потом, в другой раз?» И она тогда сказала: «Знаешь, мне осталось не так много, я должна успеть». И, глотая таблетки, пошла на трибуну. Почему-то она тогда очень нервничала. Может быть, потому что знала, что делать, а все с трибуны говорили, что образование находится в кризисе и никто не знает, как из этого кризиса выйти... Тогда Башмаков предложил свои проекты. И она мне сказала, что он из всех действительно очень умный человек. (Из интервью 1995 г.)

С уходом Валентины Васильевны Архиповой в Петербурге завершился первый период освоения новой педагогической парадигмы — диалогового образования, коллективного способа обучения.

Ольга Александровна Скепко: То, что было в те годы, — это яркий прорыв, но в силу того, что педагогическая система костная, резко перестроить не получается. Сейчас кто-то что-то применяет, кто-то что-то делает. То есть готовится почва для следующего рывка. Для того, чтобы произошел качественный переход, надо накопить количество. Сейчас это количество копится. У нас была попытка — раз! — и быстро перестроить. Быстро не получилось. Значит, нужно долго работать, создавать среду, общественное мнение — родители, ученики... Когда она созреет, тогда всё встанет на свое место. В тот момент это держалось на одном энтузиазме, это было ярко, но, к сожалению, не имело прочной базы в обществе, в общественном сознании. <...> Для меня КСО — это огромный глоток кислорода, это выход в другое измерение, понимание того, к чему мы должны стремиться... <...> Валентина Васильевна была организующим началом. Это был самый главный человек в ленинградском КСО. Это был мотор, это был мозг. Это был человек, который вокруг себя создавал такое магнитное поле, что любой равнодушный преподаватель, попадая в это магнитное поле, настраивался на нужную волну, начинал работать в этом направлении. Валентина Васильевна была альфа, бета и гамма этого созвездия... Она вообще очень яркий человек, а тут просто блистала. Потому что попала на свою стезю. (Из интервью 23.02.2015)

Период, которому посвящена эта статья, стал началом глобального переосмысления существующих представлений об устройстве образовательного процесса. Особенностью этого периода, с одной стороны, можно считать особый эмоциональный настрой, истоки которого уходят корнями в идеализм, а с другой — ориентацию на точные методологические приемы и рекомендации, обеспечивающие любой из заявленных теоретических посылов и принципов. Начиная с 90-х годов методики диалогового обучения прочно входят в повседневную жизнь учебных заведений. Основы, заложенные в то время, серьезно повлияли на современные представления о возможностях педагогического процесса.